

Иван Саввич Никитин

(1824-1861)

Слепой гусяр

Давно уж не вижу я солнца и неба,
Не знаю, как мир и живёт и цветёт,
Как птица, не сею зернистого хлеба,
Пою и ночью, где Бог приведёт.
Но слух мой в замену отрадного зренья
Неведомой силою чудно развит, —
Когда и былинка стоит без движенья,
Со мною незримая жизнь говорит:
Листок ли на землю сырую ложится,
Змея ли ползёт где-нибудь в стороне,
Камыш ли сквозь сон вдалеке шевелится, —
Я всё различаю в ночной тишине;
И голос веселья, и стон тайной муки
В тревоге дневной я умею ловить;
И в душу однажды запавшие звуки
В согласные песни спешу перелить.
Когда же порой, окружённый гостями,
Под крышей чужою найду я приют,
И гусли вздрогнут у меня под рукам,
И звуки волнами от струн потекут, —
Откуда-то вдруг во мне сила возьмётся,
Забегают пальцы, и кровь закипит,
Развернется дума, — и песня польётся...
И свет мои очи тогда озарит!
Мне кажется, вижу я степи раздолье,
Блеск солнца и краски душистых цветов,
И светлые воды, и луга приволье,
И тёмные сени родимых лесов, —
Пою — и на мне подымается волос,
И впалые щёки румянцем горят,
И звучным становится слабый мой голос.
И гости, заслушавшись, молча сидят.
Умолкну — гусяра толпа окружает.
Но я уж не слышу тут грома речей:
Душа, словно ветер, по свету гуляет,
И слёзы ручьями бегут из очей!

Март 1855